

Еще я получаю множество другой незнакомой литературы. Подлинную 1940 года листовку, из тех, что финны подбрасывали в наши окна. «Русский исторический вестник» 1917 года, отовсюду изъятый за правду. Маленькую синюю книжечку «Скрипкада, или Биографические фантазии», которую написал Марк Лубоцкий. Большую толстую книжку — интервью со Шнитке.

Читаю ночами (по московскому распорядку) — про силу, которая превращается в бессилие, про слабость, которая становится сильной, щедрой и светлой музыкой.

Троцкий — председателем чего он только не был. Идеологически подкованный, нетерпимый, в достаточной степени железный. И в конце — вот эти листки, пожелтевшие больше от желчи, чем от времени. Привет из Мексики.

Альфред Шнитке — словно придуманный для того, чтобы быть сметенным ветром истории. Полуеврей, полунемец. Мог быть убит наступающими фашистами как еврей и одновременно сослан как немец отступающими нашими. Уязвимый вдвойне. Очень нервный. Но вот она — сильная, светлая музыка. Привет из вечности.

Шнитке живет в Гамбурге. Они с Марком друзья.

«Тогда, в Москве он подошел ко мне и предложил исполнить его скрипичную сонату. Это было в апреле 1964 года. Так я стал первым исполнителем Шнитке и до 1976 года, года моего отъезда, им оставался».

Все три скрипичные сонаты Шнитке посвящены Марку Лубоцкому.

Давид и музыка

По утрам дом затопляет музыкальное половодье. Кажется, что даже штукатурка от звуков набухает.

Есть скрипка — Марк. Есть рояль — Брено Амброзини (молодой пианист, выступающий вместе с Марком). Есть виолончель — Оля.

Оля — саратовская барышня с большими спокойными глазами. Талантливая виолончелистка. Студентка Гамбургской консерватории. Жена. Новая жизнь.

«Когда твои близкие погибают, когда дом твой разорен, кажется, что и ты должен погибнуть. И ты умираешь вместе с ними. А потом начинается новая жизнь. Если повезет», — говорит Марк, который считает, что ему повезло.

«Кра-а! Кра-а! Уау!» — звуки зоопарка из микрофона, стоящего на столе, раздаются всегда неожиданно и всегда укрощают музыкальные цунами. Это Давид, сын. Он живет наверху и оттуда сверху скандалит в предусмотрительно установленный микрофон. Ему десять дней. Жизнь не просто новая, а новая абсолютно.

Давид орет, требует, чтобы снесли вниз, где сменяются музыки — виолончели, рояля и скрипки. Нырнув в эту звуковую среду, он успокаивается. А в непосредственной близости от музыкального источника ведет себя как виноградная лоза, почувствовавшая воду. Поворачивается к музыке всем телом, как может, потому что голова еще не держится. Но для него, уже очевидно, виолончель — мама, скрипка — папа, а рояль (Брено) — весь остальной и прекрасный мир.

Жизнь этого дома подчиняется расписанию Давида. Все едят, когда ест Давид. Или беседуют. Конечно, на кухне, где круглосуточно тлеет неярким светом абажур. Где чай, борщ, приготовленный молодой тещей Светой из Саратова, итальянские томбоане, привезенные Брено, и японское суши, наверное, тоже прибывшее издалека, может, из Японии, поскольку дом Марка стоит словно в центре розы ветров и к нему всегда кого-нибудь экзотического задует.

На кухне становилось все уютнее. Говорят обо всем на свете, и пахнет домашней едой. И лампа разгорается все ярче. И все те, о ком идет речь, вызванные из небытия, присутствуют за столом. И даже Троцкий ведет себя прилично. Но в основном это милейшие люди.

Ференц Лист, например. Нет, Марк с ним не был личным знаком. Но Брено Амброзини, пианист из Венеции, который выступает с Марком, с Листом на короткой ноге. Брено — одаренный музыкант, лауреат бесчисленных конкурсов, ученик знаменитого Опица из Мюнхенской консерватории, он скоро получит диплом по филологии и философии. Его тема — Ференц Лист. Его личность. Его время. Брено утверждает, что Листа играть по-этичному и громко — просто глупо.

Время от времени где-то внутри Брено Амброзини звонит радиотелефон. Стоит Брено ответить, и трубка начинает тем пераментно, по-южному, кричать. Жена. Из Мадрида. Испанка. И лицо у Брено становится таким, как будто ему капает кипятком на темечко. Жена у Брено журналистка. Где-то в Испании закрывают газеты. Жена волнуется. «Ей надо меньше работать», — бормочет Брено, отстраняя трубку от уха. Он на долго замолкает, как и положено обваренному кипятком. Фигура Листа, так удачно было вписавшаяся в компанию, тает.

Кухонные разговоры

Марк говорит мне о демонизме в музыке. Ему кажется важным, чтобы ты, читатель, всерьез задумался на тему «Музыка в твоей жизни». Задумался, пока не поздно.

— Это просто. То, что поражает и потрясает, имеет для меня меньшую ценность, чем то, что трогает до глубины души. Есть музыка, которая человека подавляет, и другая, которая делает его лучше. Механизм уничтожения легче всего запустить через музыку. Демонизм — стремление разрушать — сначала проявляется в музыке. Обратите внимание: диктатура, насилие прежде всего выбирают в качестве пропагандистской музыки и спорт.

Не то чтобы возражаю, но сомневаюсь.

— Гений и злодейство не сочетаются, когда гений — моцартовский. А как быть с другими, тоже гениями? Не запрещать же их...

— Каждое время требует и отбирает определенные качества. Сегодня особенно в цене волевого, демонического начало. И музыканты прекрасно знают, от чего быстрее всего приходит восторг публики. Но на них лежит ответственность даже большая, чем на представителях религии.

Вы, Марк, меня убедили. За вас — старая такса и матрешка с мятыми дойчмарками. Когда после концерта стали пересчитывать деньги из матрешки, насчитали марок двести, не больше.

«Ну вот, несколько тысяч есть», — сказал виртуоз, имея в виду еще и билетную выручку от концерта. Он радовался.

Не могу с вами не согласиться, Марк. Это Шуберт, тихий Шуберт заработал российским детям на иммуноглобулины.

Но вот историческая подробность.

Однажды друзья устроили Шуберту концерт, тоже хотели собрать немного денег — ему на жизнь. Зал был полупуст. Потому что в это же время выступал приехавший на гастроли знаменитый Паганини. И все ринулись туда. Всем было наплевать, что пройдет время и Шуберта тоже признают великим, на все сто процентов, и его портрет будет висеть в зале Московской консерватории. В хорошей компании, между прочим.

Марк, так было всегда. Вы что, хотите с этим бороться?

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Дети переносят страдания мужественно. И у них здесь есть настоящие друзья

О некоторых прогулках

Год назад Денис Гречухин умирал. Мама привезла его из родного города Галича в московскую больницу. Ему было пятнадцать лет. Жизнь могла закончиться в реанимационной палате с белыми стенами и покрашенным белой краской окном.

Весна была устроена не для него.

Врач сказал: «Даже если мальчик выживет, он никогда не сможет ходить».

Когда мы покидали больницу, Денис пошел нас провожать. Мы его уговаривали:

— Возьми костыли, Денис, ты сегодня уже давно гуляешь.

— Нет, ногу надо нагружать. Если бы я не тренировался, так до сих пор бы и лежал.

Мы были на службе в больничном храме Покрова Пресвятой Богородицы. И Денис там был. Он дружит с настоятелем храма священником Георгием Чистяковым. Когда Денису было плохо, отец Георгий каждую субботу приходил к нему в реанимацию.

Узнав, что все-таки существует на свете лекарство, которое может победить тяжелую лимфому позвоночника, отец Георгий об-

ратился в Российский фонд помощи. И, как это время от времени случается, произошло чудо.

Дорогое иностранное лекарство для Дениса, неопаген, оплатил наш читатель. (Он перевел в больницу 23 млн рублей.) Маме Дениса, у которой дома остались еще двое маленьких ребятшек, уж конечно, были не под силу эти деньги. После химиотерапии и первого курса лечения неопагеном восстановилась кровь, и Денис стал поправляться так быстро, что удивились все врачи.

Мы встретились с ним, с отцом Георгием и со всеми нашими друзьями из Российской детской клинической больницы в начале апреля. У нас было дело и была радость. В больницу приехали прогулочные коляски, и мы их сопровождали.

Коляски эти, красивые и удобные, подарила московская галерея дизайна и интерьера «Ной-хаус» (целых 93 штуки!). Стоит подарок около 15 тысяч долларов. И это действительно стоящий подарок. В этой уже хорошо знакомой нам больнице многие маленькие детишки лежат подолгу, иногда не один год. Операции, бесконечные недели под капельницами. Если болезнь отступает, можно выезжать на прогулки — представляете, какое счастье.

Но казенных инвалидных колясок не хватает, а прогулочных раньше не было совсем.

Понятно, что, когда привезли прекрасные немецкие коляски от «Ной-хауса», начался радостный ажиотаж. Но Лина Салтыкова, руководитель группы милосердия, которая работает в больнице, строгим голосом объявила, что коляски будут выдаваться только по списку, рекомендованному врачами. Страсти быстро улеглись. Родители маленьких пациентов доверяют этим людям.

Тут наши друзья из группы милосердия воспользовались моментом (и правильно сделали) и рассказали нам о Тане Лебедевой (у них вообще всегда находится что рассказать).

Тане двенадцать лет. Она тоже ходила на субботнюю службу в храм. Милая, живая девочка. Девочка в маске. В больнице уже два года и всегда с этой маской-респиратором, поскольку любая инфекция может оказаться смертельной. У Тани апластическая анемия сверхтяжелой степени, поражено 98% костного мозга. И, чтобы девочка выжила, ей нужен тот же неопаген на сумму \$20 тысяч.

Родители Тани таких денег собрать не могут: семья вынуждена была переехать в Москву из Севастополя, и папа, бывший военный моряк, теперь пенсионер без работы. А мама живет вместе с дочкой в больнице. Но группа милосердия, добровольные помощники, которые опекают тяжелобольных детей, делают все, чтобы найти деньги. И уже удалось собрать половину суммы, но нужно еще около \$10 тысяч. (Пусть вас не шокирует столь большая цифра: в больнице будут рады и самому малому.)

Денис с Таней незнаком. Он приехал на обследование на несколько дней и живет в другом корпусе, санаторном. Его выписали еще в январе, и он теперь умеет ходить даже без костылей. Медленно, но вполне уверенно. Мы гуляли по больничному коридору, и он вспоминал, что было в прошлом году: было очень больно, и после химиотерапии вылезли волосы. И умер сосед по палате, маленький мальчик Артем. Было почти не страшно, только очень пусто. И Денис лежал в своем пустом белом мире и целыми днями ждал, когда наконец к нему придут друзья — отец Георгий, тетя Галя, тетя Лина.

Нынешняя весна устроена для него.

Его расстраивает только, что пришлось остаться на второй год. Говорит, что мог бы все наверстать и тогда заканчивал бы уже десятый класс.

Спасибо, друзья!

В деревне Саморядово под Курском теперь снова будет музыка: нашлись недостающие 3700 рублей на синтезатор для слепого музыканта Жени Крамаренко.

И с сердцем у Нади Орловой все стало гораздо лучше: вы отправили ей \$5910 на кардиостимулятор, и операция прошла хорошо. Девочка уже дома.

Восьмилетней Анечке Типовой из Алтайского края послали 7700 рублей. Этих денег хватило и на операцию в новосибирском филиале клиники Федорова, и на то, чтобы мама смогла сопровождать девочку в Новосибирск.

Хабаровчанин Сергей Сыров сможет лечиться у Валентина Дикюля. Читательница по имени Виктория и ее муж послали Сергею 10 тысяч рублей на дорогу до Москвы и обратно, а еще один наш читатель, Егор, оплатил месяц лечения у Дикюля — 1250 рублей. (Если помните, у Сергея сломан позвоночник в результате автокатастрофы, и ему, кормильцу семьи, совершенно необходимо восстановить здоровье.)

Друзья, как вы знаете, в последних номерах журнала мы стали возвращаться к письмам, которые уже были опубликованы прежде, но не нашли отклик. Может быть, подумали мы, кто-то заметит эти письма. И вот первый успех. Многодетному отцу-инвалиду Михаилу Петрову из Кировской области на покупку мотоблока с телегой и плугом отправлено 8000 рублей. Недавно Михаил похоронил жену и остался один с тремя детьми и очень старой бабушкой. Надеемся, что ему теперь будет легче прокормить семью, в которой одна из дочерей приемная, а вторая инвалид детства.

Это был хороший месяц для фонда помощи и для многих людей. И мы рады продолжить наш краткий отчет.

Безработной маме двух девочек Ирине Скоропуловой в Новосибирскую область отправлено 700 рублей.

14-летнему Артему Курсону оплачены три курса лечения (8100 рублей).

Алле Выборовой из Архангельской области, Татьяне Гришиной из Новокузнецка и Лене Кожевниковой из Вологодской области отправлено несколько посылок с вещами и продуктами из Москвы.

Помогли пенсионеркам Колгановой Екатерине Михайловне (на Карелию отправили 450 рублей на лекарства) и Масаловой Анне Сергеевне (ей перевели на Алтай 4400 рублей на ремонт дома «просто на жизнь и одежду»). А пожилой москвичке Анне Григорьевне Брусилосской наши читатели вручили новые кнопочный телефон, телевизор Samsung и 3000 рублей.

Тамаре Григорьевне Пархаевой, которая одна воспитывает приемную девочку-инвалида, в Тверскую область послали 6000 рублей.

В Липецкую область инвалиду 2-й группы Людмиле Чумичевой, которая живет с 11-летней дочерью и хочет самостоятельно зарабатывать шитьем, отправлено 600 рублей на оверлок.

Ангелика, Катя, Виктория, Наташа, Олег, Александр, Михаил, Яков, Алена, Елена Ивановна, Ольга Александровна и все остальные добрые помощники, вы, как обычно, не называете своих фамилий, но как здорово, что вы есть! Мы присоединяемся к Лене Кожевниковой из Вологодской области, написавшей хорошее письмо:

«Спасибо вам, счастливые своей добротой люди, за то, что так остро чувствуете чужую боль и горе. Пусть никогда вас самих не постигнет беда».

Для тех, кто не читал предыдущие выпуски журнала

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем (публикации начались в октябре), а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

Моя Аня — инвалид детства, она из двойни, но второй ребенок умер вскоре после родов. У девочки детский церебральный паралич в тяжелой форме. Сейчас Ане 11 лет, и десять из них мы интенсивно лечимся: с двух лет — в Евпаторийском клиническом санатории, а позже — в Москве, в НИИ психоневрологической инвалидности. В девять лет девочка стала хоть немного, но самостоятельно передвигаться по квартире. Врачи — чудесные и заботливые люди! — и те не

давали нам ни малейшего шанса на ходьбу даже с костылями. А мы взяли и пошли! Я постоянно говорю Анечке: надо верить и лечиться. Очень верить и очень хорошо лечиться. Как бы ни было трудно. Я воспитываю Аню одна — отец ушел из семьи, когда дочери было три года. Живем у моих родителей, которые в Ане души не чают. Девять лет они помогали нам материально как могли, а теперь на пенсии. Я очень хочу, чтобы девочка научилась сама обслуживать себя, чтобы адаптировалась во взрослой жизни, такой нелегкой и для здорового человека. Я верю, так и будет. Аня растет человеком сильной воли. Каждый курс лечения в Москве окрыляет нас положительными результатами. Но стоимость очередного курса — 6,2 тысячи рублей, я уже не в состоянии его оплатить. В нашем городе я много слышала о вашем фонде, о том, как вы помогли буквально встать на ноги другой девочке. Помогите, пожалуйста, и нам. Счет из больницы прилагаю. С надеждой, Лариса Федченко, Вологодская обл.

«Я восхищаюсь такими женщинами, как Лариса, — сказала нам сотрудница Вологодского областного департамента социальной защиты Валерия Моргунова. — Ей уже удалось отстоять своего ребенка. Девочка учится по обычной школьной программе и действительно начала передвигаться самостоятельно. Очень сожалею, что департамент не в состоянии помочь ей финансово».

Наверное, я не по адресу. У вас все больше о хлебе насущном, а тут — детское рисование. И все же... Представьте: маленький городок (кстати, совсем недалеко от МКАД!), детшкам податься некуда, кроме как в уличную тусовку, а родители обеспокоены лишь поисками случайных и скудных заработков — с постоянной-то работой туго. И вот появляется Нина Ильинична Журавлева, собирает по дворам детвору и начинает учить их рисовать. Помещение она тоже находит. За окном уличная грязь, если дождь, или пыль, если светит солнце. А в комнате рисуют — шар, пирамиду, куб, академическую классику для начинающих. Нина Ильинична на пенсии, она кандидат биологических наук. Рисовать научилась в студенчестве. Первые три года учила здесь детей бесплатно. Теперь собес положил ей жалованье в 61 рубль. И все бы ничего, но во время ремонта здания студию обокрали. Унесли все подчистую — мольберты, запасы бумаги и красок. Как помочь восстановить утраченное? Дети все равно рисуют, прислонив к спинке стула фанерки с картоном или бумагой (кому как повезло). Печальное зрелище. Тут бы и написать: студию Журавлевой, мол, уже закончили два Врубеля и один Суриков. Нет такого, конечно. Просто здесь растут хорошие люди. Но разве этого мало? Людмила Киселева, Калужская обл.

Вот что удалось узнать в облуправлении социальной защиты. Студия г-жи Журавлевой нуждается хотя бы в 7–8 мольбертах (каждый в Москве стоит по 250 рублей), ватмане (100 листов — 400 рублей), красках — масляных, акварельных, гуаши, а также в кистях и гипсовых муляжах. На это нужно пять тысяч рублей. Хотя больше устроили бы сами вещи.

Неужели на свете остались еще добрые люди? Я, например, уже никому и ничему не верю. У меня четверо детей —

13, 10, 7 и 1,5 лет. Пособие давно уже не получала, на работу меня не берут, так как младший еще очень маленький. С нами еще живет моя мама, которая одна нас и спасает. Живем на ее пенсию. Дошло до того, что дети собирают бутылки на хлеб. Я уже прошла все собесы и получила помощь в размере 30 рублей. Больше, сказали, помочь нечем. За квартиру уже год как не платено. Спать ложусь с едистой мыслью: где завтра найти денег на хлеб?! С этим и просыпаюсь. Заранее вам благодарна. Ирина Вольтер, Алтайский край

«Ирина Борисовна воспитывает детей одна — муж ушел, — сообщили нам в краевом департаменте соцзащиты, — и ей пригодится любая помощь».

Размеры одежды и обуви детей Ирины Вольтер есть у нас в фонде.

Обращаюсь в Российский фонд помощи с большой надеждой на отклик добрых людей. Мне просто необходим тонометр. Мне 43 года, вот уже пять лет я инвалид второй группы. История такая: в 18 лет мне сделали операцию на сердце, поставили протез аорты. А в 1993 году было кровоизлияние в мозг. Больше года пролежал в больнице, врачи спасли меня. Но болезнь не проходит, несмотря на все мое сопротивление. Чтобы избежать повторного инсульта, врачи рекомендуют постоянно измерять кровяное давление. Но в наших аптеках тонометра нет. Да если бы и был, он мне не по карману. Нас в семье шестеро. Жена работает в колхозе, там зарплату три года не видели. Живем на мою пенсию. Да и на лекарства надо тратиться, без них мне не жить. По бесплатным рецептам лекарства крайне редки, а в коммерческих очень дороги. Вот и решил, краснея, написать вам. Поищите правильно и помогите. Мне бы еще позитив, чтоб детей на ноги поставить. Какой ни есть, а все им поддержка. Не взыщите за письмо. Александр Забелин, Омская обл.

По словам Веры Елистратовой из управления соцзащиты Омской области, Забелины живут в одной комнате общежития. Елена, жена Александра, действительно уже несколько лет не получала зарплаты в колхозе. Все четверо детей — учащиеся (Дмитрий 1979 года рождения, Алиса — 1981-го, Лариса — 1982-го, Максим — 1986-го). «Семья настолько бедна, что любая помощь будет впрок. Мы, правда, кое-чем помогали, но, к сожалению, эта помощь очень мала», — заявила г-жа Елистратова.

Здравствуйтесь, фонд помощи. Помогите, пожалуйста, сохранить маму на долгие годы. Пишет вам Надя, ученица 7 класса. Мама у нас тяжело больна. Она молода, но уже четыре года инвалид второй группы. У нее ревматоидный полиартрит, принимает гормоны (преднизолон). Она не может написать, у нее руки опухли. И ноги тоже. Семья у нас большая: папа, мама и нас трое (все учащиеся). Папа работает на фабрике, где уже два года почти не выдают денег, а того, что дают, хватает только на квартплату. Детское пособие тоже не получаем целый год. Мамину пенсию приходится тратить на всех. А маме нельзя без лекарств и хорошего питания. Ради нас она ущемляет себя во всем. Сейчас ничего (на лечение) не дают бесплатно (нету фонда). Мы живем в настоящее время очень тяжело. Мама почти не улыбается,

очень часто плачет, хотя и скрывает свои слезы. Она считает себя списанной. Пожалуйста, помогите немного деньгами (это все уйдет только на ее лечение). Пусть она почувствует поддержку добрых людей и теплоту. Мы маме по дому помогаем во всем. Учимся все хорошо. Не оставьте без внимания нашу маму любимую. Она очень хорошая, несмотря на то что больная. **Надя Карасева, Владимирская обл.**

«Это была бы очень благополучная семья, не заболели бы мама Галина Владимировна, — сказали нам во Владимире. — В семье трое школьников: мальчик 17 лет и две девочки — 13 и 10 лет. Наверное, Галину Владимировну надо серьезно лечить, но где и как, непонятно».

✉

Димке было шесть лет, когда нас сбила машина, сломав ему позвоночник. Сейчас ему 12. После семи операций и шести лет специальных занятий он теперь дома не пользуется инвалидной коляской, передвигается в специальных ползунках. Материальная же цена этих занятий такова: все, что имело хоть какую-то ценность, уже продано. Была дача в Салтыковке, теперь, увы, тоже кончилась. А нужны новые деньги на лечение. Запятав гордость по-прежнему, я разослала отчаянные письма по Москве. Несмотря на мои 29 лет трудового стажа (из них 20 на «Мосфильме»), откликнулась только одна фирма. Огромное ей спасибо! А однажды пришел человек и со словами «Тушинский криминал хочет вам помочь» вручил \$2000. Теперь мой сын мечтает стать адвокатом. Он в том романтическом возрасте, когда истории о Робин Гуде очень притягательны. Он уже знает, что такое несправедливость. Это когда директор школы говорит ему в лицо, что бедным детям иностранный язык и информатика ни к чему. Насчет информатики мне возразить трудно. То есть еще как нужна! Но мальчик занимается на дому (учится на четыре и пять), компьютера у нас, естественно, нет. А вот английскому языку его учу я сама.

В Центре Дикюля врачи уверяют, что способны помочь Димке. Но за очень большие деньги! Для нас это просто нереально. Все доходы — это его инвалидная пенсия и моя социальная (75% от минимальной), так как я не пенсионного возраста. Димка оптимист, комплекса инвалида у него нет. Морально он гораздо сильнее меня. И на деревья залезает как здоровый, и на турнике подтягивается больше всех. Помогите нам, пожалуйста. Я так верю в него и в добрых людей!
Ирина Климова, Москва

В Центре Валентина Дикюля готовы принять Диму Климова. Один месяц амбулаторного лечения обойдется в 1250 рублей. Однако врачи считают, что Ирине Леонидовне придется вместе с сыном пожить в это время по соседству, в гостинице «Останкино», так как Дима из-за болезни не переносит автомобильные поездки (ослаблен вестибулярный аппарат). А это обойдется им еще в 2500 рублей в месяц. И еще врачи считают, Климову необходимо посещать центр три месяца, так что все лечение обойдется в 11 250 рублей.

Мы решили снова вернуться к уже опубликованным просьбам о помощи. И вот еще два письма. Их авторам помогли, но лишь частично, в небольшом объеме. Может быть, сейчас удастся сделать больше.

✉

Обращаюсь ко всем добрым людям с просьбой о помощи. Моего сына очень редкое заболевание — гипофизарный нанизм (дефицит гормона роста). Артему 15 лет, а его рост — 128 см. Несмотря на болезнь, он не ожесточился и не замкнулся в себе. Артем очень общительный, у него много друзей. Сейчас он в девятом классе, увлекается физикой, математикой, электроникой. Учится еще и в заочной физико-математической школе при МФТИ, играет на гитаре. Он очень хочет подрасти и упорно занимается физическими упражнениями. Ему все кажется, что так можно увеличить рост. Но, к несчастью, помочь ему могут только препараты гормона роста. В нашем отечестве такой препарат не изготавливают, а от стоимости импортных приходится приходить в отчаяние. Ампула стоит \$210 — и это только четыре дня лечения! А мальчику гормон роста нужен каждый день, лечение должно быть непрерывным и длительным. И оно эффективно, пока не закрыты зоны роста и не окостенел скелет. У Артема в распоряжении три года. Не где же взять деньги — хотя бы на год, хотя бы на несколько месяцев или недель?! Нам остается только рассчитывать на чудо. Я умоляю вас, помогите. **Ираида Крикунова, Московская обл.**

✉

Мою внучку Инну Коваленко (родилась 21.01.89 г.) в роддоме сделали инвалидом: щипцами был задет двигательный нерв, внесена инфекция. В результате детский церебральный паралич. Плюс ко всему врачи своевременно не заметили у нее вывих бедра. Я вынуждена оставить работу и вплотную заняться лечением внучки. У дочери сейчас вторая семья, есть сын 6 лет, мы живем все вместе. Доходы минимальные. Постоянное лечение девочки, а также недавние похороны моей мамы отбросили нас в тупик. Поэтому я вынуждена обратиться к вам за помощью. Просто нет больше сил смотреть в эти умные глазки, видеть, как трепетно она хочет вскочить и побежать. Девочка-то умная, учится на пятерки. В настоящее время возникла необходимость в операции (вывих бедра). На консультации Валентин Иванович Дикюль заявил, что прежде следует избавиться от спастики. Перенапряжение мышц будет огромной помехой в послеоперационной реабилитации. По рекомендации Валентина Ивановича мы съездили в питерский центр «Ос-Тавиго», и вот наконец поставлен окончательный диагноз: последствия травмы черепа и шейного отдела позвоночника, гематома давит на мозжечок, в итоге девочка не может стать на ноги. Инночку можно вылечить. Теперь я это знаю точно. Питерцы связались с Германией, и вот главврач клиники в Гамбурге приглашает нас. Упустить такую возможность нельзя, но отсутствие средств приводит меня в отчаяние. Операция там обойдется в 24 тысячи рублей. Прошу вас, по возможности откликнитесь на нашу беду. Высылаю номер спецсчета Инны. Спасибо! **Надежда Талашенко, Московская обл.**

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 956-71-87. Адрес Российского фонда помощи: 125252, г. Москва, а/я 50.

ДОМОВОЙ

журнал о тонких чувствах и красивых вещах

Уважаемые господа!

С 1 апреля открыта подписка на второе полугодие 1998 года. Оформить подписку можно в любом почтовом отделении связи России по каталогу агентства «Роспечать» — стр.138.

В Москве и Санкт-Петербурге можно оформить подписку по местным каталогам за наличный и безналичный расчет.

По вопросам оформления безналичной подписки обращайтесь по телефонам: в Москве — 450-85-83, в Санкт-Петербурге — 314-87-17.

подписной индекс 73110.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ
(без учета стоимости доставки)

1 мес. — 30 руб. 3 мес. — 90 руб. 6 мес. — 180 руб.

В Москве подписные цены с доставкой составляют:

в адрес частных лиц

1 мес. — 34 руб. 71 коп. 3 мес. — 96 руб. 25 коп. 6 мес. — 188 руб. 56 коп.

в адрес юридических лиц

1 мес. — 39 руб. 42 коп. 3 мес. — 102 руб. 50 коп. 6 мес. — 197 руб. 12 коп.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

Москва: «Интер-почта», т. (095) 921-29-88, 921-08-34
С.-Петербург: «Петербург-Экспресс», т. (812) 223-52-00, 325-09-25
Казань: Казанское бюро «Коммерсант-daily», т. (8432) 32-64-96
Алматы: СП «Аргументы и Факты Казахстан», т. (3272) 21-76-03, ф. 21-95-29
Красноярск: «Ласка», т. (3912) 27-23-24
Красноярск: «Начало Дня», т. (3912) 21-50-88
Киев: «Киевская Служба Подписки», т. (044) 212-08-46
Кишинев: «Кузенков-Ева», т. (0422) 26-62-78
Кишинев: агентство «Периодические издания», т. (0422) 22-33-52
Кишинев: «PERLAIN», (0422) 24-14-98
Минск: компания «Рэм-Инфо», т. (0172) 70-41-70
Минск: «Андреев», т. (0172) 36-45-20
Ташкент: «БТЛ», т. (3712) 76-66-45, 76-66-78
Ташкент: «Мастер-Пресс», т. (3712) 36-35-73

ПОДПИСКА ЗА РУБЕЖОМ

А/О «ИНКОМ-ПРЕСС»
123308, Москва
Хорошевское шоссе, д. 41г
Тел.: (095) 195-32-23
Факс: (095) 195-00-60

А/О «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА»
117049, Москва
ул. Б. Якиманка, 39
Тел.: (095) 238-46-00
Факс: (095) 230-21-17
Телекс: 411160

KUBON+SAGNER
Buchexport-Import GMBH
D-80328 Munchen
Tel.: (089) 54218-130
Fax: (089) 54218-218
Telex: 5216711 kusa d

EAST VIEW PUBLICATIONS, INC.
3020 Harbor Lane North,
Minneapolis, MN 55447 USA
Tel.: (612) 550-09-61
Fax: (612) 559-29-31
Тел./факс в Москве:
(095) 318-09-37, 318-08-81

ПОДПИСКА